



## КИРПИЧ: ДОБРАЯ ТЯЖЕСТЬ И ОРУДИЕ СУДЬБЫ

© В. Л. Лехциер

Лекциер  
Виталий Леонидович

доктор философских наук,  
доцент

кафедра философии  
гуманитарных факультетов  
Самарский  
государственный университет

*В эссе демонстрируется философский взгляд на кирпич. Этот простой строительный материал, имеющий многотысячелетнюю историю развития, обнаруживает различные метафизические импликации: непреходящую рукоразмерность, эзотерическую телесность, эталонность в отношении формы и веса, выступает в роли первоэлемента частного бытия и орудия судьбы.*

**Ключевые слова:** кирпич, дом, обжит, судьба, рука, добрая тяжесть.

И сказали друг другу:  
наделаем кирпичей и обожжем  
огнем. И стали у них кирпичи  
вместо камней.

*Ветхий завет. Бытие. Гл. 11-3*

Нет более простой вещи, чем кирпич. Граненный, тяжелый кирпич, которым иногда подпирают подъездные двери, чтобы они не закрывались, кирпич, который раскалывают о другой кирпич и запикивают по частям в ведро, куда ставится новогодняя елка, чтобы она не шаталась, кирпич, которым иногда увесистыми ударами чинят топор или молоток, чтобы не выскакивали деревянные ручки, кирпич, на который иногда натыкаешься по случаю идущего рядом строительства, простой кирпич – рукотворный и рукоразмерный...

Кирпич, кирпичная кладка, кирпичный дом – обязательное упоминание материала в таблицах рынка недвижимости. Если кирпич, то это хорошо, кирпич – это надежно, удобно, экологично и красиво. Это вам не то, что панели «круп-

нощелевые», бетонные плиты или тем более пожароопасное дерево. Кирпич – это кирпич: пожалуйста, коттедж, забор или собор, дворец, башня или будка для сторожевого пса, мост или фабрика.

Кирпич – творение рук человеческих: «творильни» – современный строительный термин, обозначающий бетонированные ямы, где формируется «кирпичное тесто». «Творением» назывался на Руси процесс замеса глины, привезенной из карьера и размятой босьми ногами в ямах в течение долгого времени, а потом ручной формовки из нее кирпичей в деревянных рамках-«пролетках». При этом излишки глины снимали деревянным ножом, иногда «расчесывая» сырые кирпичи, оставляя на их влажной поверхности причудливые волны для последующего лучшего сцепления друг с другом. Кирпич – «деланный камень», как определяет Владимир Даль, символ прирученной природы, старейший продукт гончарного ремесла. Будучи рукотворным (на последнем этапе!), он есть то, что умещается в руке. Так было всегда. Форма и размеры кирпича менялись на протяжении веков, но всегда оставались такими, чтобы каменщику было удобно с ним работать, чтобы кирпич был соизмерим с размером и силой руки строителя.

В самом деле, кирпич может быть разным. Даль упоминает такие его виды, как *простой, подпаянный* (когда глину пяткой вдавливали не в деревянные рамки, а в специальные поддоны), *столовый, машинный, карнизный, колодезный, клинчатый, сырец, железняк, земляной, лещадь, кабанчик*. Сегодня, кроме основного различия кирпича по способу производства и составу на *керамический* (белый или красный) и *силикатный*, в полном меню строительных материалов также значится кирпич *рядовой, лицевой, фасонный, каминный, клинкерный, одинарный, утолщенный, двойной* и т. д. А если заглянуть в историю, то мы увидим кирпич *саман* (тюрк. – солома), необожженный, высушенный на солнце (т. е. кирпич-сырец), изготовленный из глины с добавлением соломы или мякины, используемый в безлесных районах с V–IV тыс. до н. э. и вплоть до нашего времени, например, в Анатолии из такого сырца строятся дома в пять этажей. Или знаменитый обожженный кирпич *плинфа* (греч. *plinhos* – кирпич), что родом из Византии, – широкий и плоский, почти квадратный с ребрами 30/35/2,5 см, самый распространенный кирпич в древности.

«Я и сам обожженный кирпич», – отмечает Даль в своем словаре. Так вместе с плинфой появилась еще одна метафора человеческого «я». Обожженный кирпич – символ повидавшей виды субъективности, прошедшей огонь, воду, и медные трубы изощренных и дотошных социальных формовок, прожженной и закаленной только для того, чтобы в конечном итоге встать в строй себе подобных. Продолжая зафиксированную Далем формулу эго-идентичности, обожженный кирпич, испытавший циклический ритм замерзания и оттаивания для получения нужной морозостойкости, напоминает историю о мальчике с замершим и оттаявшим сердцем, выработавшем, будем надеяться, крепкий иммунитет против чар Снежной королевы. Напоминает также и о всяких волнах похолодания и оттепели, ритмически накачивающих на субъективный и объективный дух, делающих его по крайней мере выносливее.

В Россию же плинфа, как и христианство, попала из Византии и

использовалась вплоть до XV в., когда на смену ей пришел т. н. «аристотелев кирпич», близкий к современным размерам. Хотя известно, что на Руси плинфы были не только прямоугольные, но и трапециевидные и даже дугообразно изогнутые, служащие для украшения фасадов и выполнения сложных элементов. В Риме кирпич имел размеры 55/55/4 см. В дело шли и более тонкие кирпичи, которые нередко применялись в качестве черепицы. Например, из кирпичей, по форме и размерам напоминавших небольшие булочки, были сложены стены Иерихона (сер. V тыс. до н. э.). Современный формат кирпича (в России – 250/120/65 мм, в Великобритании – 219/105/67 мм) возводят к германским племенам – лангобардам, которые в VI в. н. э. образовали на севере Италии королевство Ломбардию.

Впечатляющее формальное разнообразие такой простой вещи, как кирпич, легко объясняется его многотысячелетней историей. Об использовании кирпича в строительстве упоминает Библия и относит начало сего процесса ко временам расселения людей сразу после Великого Потопа. Именно тогда «стали у них кирпичи вместо камней». Ассирия и Вавилон, Месопотамия и Древний Рим, Египет и Византия – активное кирпичное строительство хозяйственных помещений и дворцов, мостов и крепостей, арок и сводов. Кирпич применялся в ранней христианской архитектуре. В позднем средневековье (XII – XVI вв.) вместе с ростом городов в Европе возник стиль – «кирпичная готика». Из кирпича возведены Софийский Собор в Киеве, стены и храмы Московского кремля, Кремль в Нижнем Новгороде и Кремль в Туле, Новодевичий монастырь в Московской области, палаты и дворцы царских особ в Петербурге и в последствии огромное множество других объектов. В том числе в Самаре были построены эксклюзивный пивной завод с краснокирпичными солодовнями, драматический театр в «русском стиле», костел, отсылающий к «пламенной готике» и напоминающий (мне лично) костел св. Анны в Вильнюсе, сооруженный в самом конце XV в., чельшевские дома... Самарские кирпичные заводы (тогда назывались «сараями»), располагающиеся к концу XIX в. за железнодорожным переездом и ветряными мельницами, едва справлялись своими кустарными силёнками с архитектурными запросами модерна.

Кирпичное зодчество, в особенности геометрически строгая, готическая кладка красного кирпича, – иллюстрация акмеистической апологии прекрасного, созданного из «тяжести недоброй» (нет, доброй – в отличие от холодной тяжести камня) и часто прикрываемого с течением времени внешними отделками, слоями шпатлевки и другими материалами, укрепляющими ветхие здания. Великолепное архитектурное решение принято в Вильнюсе – там на стенах старинных домов можно видеть специально сделанные вырезы в новой облицовке, сквозь которые гордо краснеет средневековая кирпичная кладка, заставляя задуматься о палимпсесте городской повседневности.

При всем изобилии и множественности присутствия кирпича в исторической жизни поражает непреходящее единство его замысла. Синдром историзма, срабатывающий на начальном этапе любой заданной декорации, сразу же исчезает, будучи безоговорочно побежден метафизикой идеальной формы, соразмерной созидающей человеческой руке. Мускульная сила и ширина ладони – эти физические параметры незаменимы и

сегодня. Преодолевший многовековой этап ручной формовки, ставший частью автоматизированного промышленного производства, кирпич, тем не менее, взыскует точного, но бережного жеста каменщика. Благодаря кирпичу даже самый большой дом сегодня по-прежнему делается руками.

Кирпич – молекула дома, первоэлемент жилища, монада частного бытия. Дом старика Тыквы из ста восемнадцати кирпичей, каждый из которых он знал назубок, знал, потому что каждый год прикупал по кирпичику или, если повезет, сразу по несколько штук, ценой самоограничения в еде, дом, в котором он мог только сидеть, подобрав ноги под себя, дом – мечта об автономности и онтологической уместности, символ лепки из «кирпичного теста» кубической буханки жилищного персонального (персонального?) счастья. «Покупайте мои кирпичи. Они принесут счастье и стоят совсем недорого», – надпись на поверхности кирпичей, найденных археологами в центральной китайской провинции Хунань при раскопках могил династии Восточная Хань. «Посмотрите-ка на кума Тыкву. Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм». Кирпичный дом – инобытие человеческого тела, даже если «Как у Тыквы старика // В кухне правая рука, // В спальне левая рука. // Если ноги // На пороге, // Нос – в окошке чердака!». История, когда дом (жизнь) выстраивается медленно, то есть в буквальном смысле *по кирпичику* вовсе не выдумка Джанни Родари. Каждый въезжающий в Санкт-Петербург при Петре I по его указу был обязан в качестве платы за проезд сдать кирпич, специально привезенный с собой. По одной из версий, Кирпичный переулоч в Петербурге назван так именно потому, что на том месте, где он расположен, принимался и складировался «кирпичный налог» за въезд в город.

Кирпич телесен. Его составу уделяется очень большое внимание. Метафизика кирпича заключается в его физике. Неслучайно поэтому он может быть *пустотельм* или *полнотельм*. В отличие от тела человека, пустотность кирпича (когда он содержит сквозные «пулевые» отверстия разного диаметра) делает его теплым, теплоизолирующим материалом. Чем больше пустоты в его теле, тем более тепла. При этом такой кирпич не уступает в прочности полнотелому. Но главное метафизическое измерение кирпичной сущности состоит в том, что она создана из глины, воды и песка, а кирпичом становится после высушивания на воздухе (кирпич-сырец) и последующего обжига. Кирпич, таким образом, есть увесистый брусок спрессованных, плотно вжатых друг в друга основных мировых стихий, к которым всегда апеллировали эзотерическая наука и уходящие корнями в язычество современные идеологии, типа советской, для которой, как известно, «солнце, воздух и вода – наши верные друзья».

Кирпич не просто телесен, он тяжел, его плоть весома. Кирпич – это *тяжелая ноша*. Поэтому человеку с тяжелой сумкой (например, школьнику, у которого набитый учебниками портфель совершенно неприподъемен) говорят: «У тебя что там, кирпичи?» или «Ты что, туда кирпичей наложил?». Поэтому кирпич выступает своеобразной мерой тяжести (добрый!), которая дополняет его исторически подкрепленный эталонный статус в отношении формы: «кирпич хлеба». Обе меры могут сообща задавать пара-

метры некоторым весьма немаловажным предметам, таким, например, как книга, для которой, как известно, свойственно быть кирпичом – благодаря своей кубической форме и своему нередко серьезному физическому весу, обычно иронически намекающему на весомость содержания.

Кирпич – орудие судьбы. Судьба в форме случайного трагического происшествия заявляет о себе в парадигмальном падении кирпича на голову. «Не стойте и не прыгайте там, где идет строительство или подвешен груз», – поется в не по-детски мудрой песенке. Но обычная сермяжная прагматика не может объяснить трансцендентальный принцип кирпичной угрозы. Этот вечно имеющийся наготове универсальный ответ – да что бояться-то, ведь в любой момент кирпич может свалиться на голову! – парадоксальным образом служит и пассивизму, поскольку что рыпаться-то, раз все в руках судьбы, и активизму, поскольку ничего не стоит бояться, ведь все равно все в руках судьбы. Физические законы гравитации, неумолимо исполняемые кирпичом в роковом падении, коррелятивны онтологическим структурам человеческого существования с его бытием-к-смерти, временностью и т.п. В отличие от яблока Ньютона возможный «в любой момент» летальный полет кирпича напоминает нам, наряду с болью, о конечности бытия, настраивая на критический лад в отношении повседневных онтифицирующих привычек.

Правда, не каждому кирпичу удастся свалиться на чью-то голову. Как пишет питерский поэт Валерий Земских:

Каждый кирпич  
Желает упасть  
На голову  
Но увы  
Большинство ложится навечно в стену  
Мало кому доведется стать частью трубы  
И столетиями ждать вдруг рассыплется  
И по склону крыши  
Кирпичи заскользят  
Но и тот кому повезет упасть  
Чаше всего пролетает мимо.

Если бульжник – орудие пролетариата, то судьба орудует кирпичом. И если ей это удастся сделать, то коллективное бессознательное чувствует свершившееся возмездие, наказание. Отсюда вообще кирпич в разнообразных конфликтах интерпретаций выступает часто как инструмент наказания, расправы с тем, чья личность «просит кирпича». Видимо, зловещий, угрожающий гештальт кирпича послужил основанием для выработки одной странной международной конвенции, для решения разместить его изображение на дорожном знаке, оповещающем автомобилистов о запрете на проезд.